

Кому на Руси жить нехорошо

К 200-летию со дня рождения
Петра Яковлевича Чаадаева

Осмысление наследия Петра Яковлевича Чаадаева представим философам, историкам, филологам и прочим наследникам его интеллекта. Я же хочу всего лишь ознакомить вас с неким событием в нашей культурной жизни, которое напрямую приурочено к юбилею мудрейшего провидца. Я имею в виду программу заслуженного артиста России Рафаэля Александровича Клейнера «Петр Яковлевич Чаадаев. «Философические письма», «Апология сумасшедшего». Работу эту воистину мастер художественного слова готовил четыре года.

Рафаэль Клейнер — необычный на подмостках человек, а то и странный. У него редкой красоты голос, прекрасная техника чтения, многоопытность в отношениях с аудиторией. Ему бы читать и читать эффектные программы, завлекая публику завлекательным чтением. А он из года в год (программа «Сибирские поэты» относится к 1960 году) идет своим упрямым путем человека, который прямо на сцене думает вместе с нами и приглашает нас следовать за мыслями великих людей.

Я хочу позволить себе несколько грубошерстных слов. Чтение со сцены — это работа Рафаэля Клейнера. Это, уж простите, его единственный вид заработка, то есть единственный источник средств на прокорм семьи, на одежду, на все про все. И зависит этот источник от приобретенных билетов.

Так вот скажите мне, повалит ли наша публика на стадионы или в гигантские аудитории, или даже хотя бы в большие залы, чтобы насладиться, скажем, нижеследующими программами: «Платон. «Апология Сократа», «Альберт Эйнштейн» или вот нынче — «Петр Яковлевич Чаадаев. «Философические письма», «Апология сумасшедшего»? Повалят ли на эти программы наши «новые русские» со своими полуголыми подружками? Да и из правящих нынче на программе этой побывал один Владимир Петрович Лукин. Впрочем, правителям Чаадаев всегда был не по нутру. И они были правы. По-своему.

Нет, не валит публика на концерты Рафаэля Клейнера даже во имя избавления от на-

важдения кошмара, обрушившегося на нас в искусстве. А Клейнер из года в год идет к нам с этими своими философами, с Пушкиным, с Лермонтовым, с Ал. К. Толстым... Знаете, ну просто сама собой напрашивается пошленькая фраза — ему что, больше всех надо? Видимо...

Так и наслаждаюсь я его трудами в небольших аудиториях. А вот они «битком набиты». И каждый человек в этих крошечных сплоченных людских сообществах мне дорог, я испытываю там некое братское чувство единства душевных устремлений.

Интеллектуальный, эмоциональный, эстетический натиск Рафаэля Клейнера для меня не в новь. И все-таки каждый раз поражаешься, как он умеет сливаться чувством, а главное, мыслью со своим очередным соумышленником. Представьте себе ниспадающую ступенями скамей аудиторию, замершие в напряжении глаза слушателей и завораживающий голос Рафаэля Клейнера — им, этим голосом, говорит Петр Яковлевич Чаадаев:

«По счастью, мы живем уже не в те времена, когда партийное упорство принималось за убеждение, а выпады сект — за благочестивое рвение».

«Надо заняться сначала выработкой домашней нравственности народов, отличной от их политической нравственности, надо, чтобы народы сперва научились знать и ценить друг друга совершенно так же, как отдельные личности...»

«Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с закрытыми устами».

А вот это уже голос шефа жандармов Бенкендорфа: «Статья сия... не могла быть писана соотечественником, сохранившим полный свой рассудок».

Все-таки трудновато честным, талантливым людям на Руси. Традиция у нас, что ли, такая? Вот и Рафаэлю Клейнеру трудно. Ну так ему и надо. Сам путь выбрал, вот пусть и идет. И не жалуется. Впрочем, он и не жалуется...

Кстати, сумасшедшим Чаадаев казался не только Бенкендорфу.

Эдуард ГРАФОВ.